Всероссийская олимпиада школьников
муниципальный этап

Литература
2016-2017 уч. год
9 класс

Для участника олимпиады

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста, в прозаической форме, Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы использовать не разрешается.

Общее время выполнения работы — 300 минут (5 часов)

Задание 1

Проведите комплексный анализ ***одного*** из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 ***или*** поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Текст 1

А.П. Чехов. Рассказ «Художество». Обратите внимание на следующие аспекты художественной организации произведения:

— заглавие рассказа и его связь со сложной тематической структурой произведения;

— соотношение авторской характеристики и речевой характеристики персонажей;

— функции пейзажа и других описаний в художественном целом произведения

А.П. Чехов.

ХУДОЖЕСТВО

Хмурое зимнее утро.

На гладкой и блестящей поверхности речки Быстрянки, кое-где посыпанной снегом, стоят два мужика: куцый Серёжка и церковный сторож Матвей. Серёжка, малый лет тридцати, коротконогий, оборванный, весь облезлый, сердито глядит на лёд. Из его поношенного полушубка, словно на линяющем псе, отвисают клочья шерсти. В руках он держит циркуль, сделанный из двух длинных спиц. Матвей, благообразный старик, в новом тулупе и валенках, глядит кроткими голубыми глазами наверх, где на высоком отлогом берегу живописно ютится село. В руках у него тяжёлый лом.

— Что ж, это мы до вечера так будем стоять, сложа руки? — прерывает молчание Серёжка, вскидывая свои сердитые глаза на Матвея.— Ты стоять сюда пришёл, старый шут, или работать?

— Так ты тово... показывай...— бормочет Матвей, кротко мигая глазами...

— Показывай... Всё я: я и показывай, я и делай. У самих ума нет! Мерять чиркулем, вот нужно что! Не вымерямши, нельзя лёд ломать. Меряй! Бери чиркуль!

Матвей берёт из рук Серёжки циркуль и неумело, топчась на одном месте и тыча во все стороны локтями, начинает выводить на льду окружность. Серёжка презрительно щурит глаза и, видимо, наслаждается его застенчивостью и невежеством.

— Э-э-э! — сердится он.— И того уж не можешь! Сказано, мужик глупый, деревенщина! Тебе гусей пасти, а не Иордань делать! Дай сюда чиркуль! Дай сюда, тебе говорю!

Серёжка рвёт из рук вспотевшего Матвея циркуль и в одно мгновение, молодцевато повернувшись на одном каблуке, чертит на льду окружность. Границы для будущей Иордани уже готовы; теперь остаётся только колоть лёд...

Но прежде чем приступить к работе, Серёжка долго ещё ломается, капризничает, попрекает:

— Я не обязан на вас работать! Ты при церкви служишь, ты и делай!

Он, видимо, наслаждается своим обособленным положением, в какое поставила его теперь судьба, давшая ему редкий талант — удивлять раз в год весь мир своим искусством. Бедному, кроткому Матвею приходится выслушать от него много ядовитых, презрительных слов. Принимается Серёжка за дело с досадой, с сердцем. Ему лень. Не успел он начертить окружность, как его уже тянет наверх в село пить чай, шататься, пустословить.

— Я сейчас приду...— говорит он, закуривая.— А ты тут пока, чем так стоять и считать ворон, принёс бы на чём сесть, да подмети.

Матвей остаётся один. Воздух сер и неласков, но тих. Из-за разбросанных по берегу изб приветливо выглядывает белая церковь. Около её золотых крестов, не переставая, кружатся галки. В сторону от села, где берег обрывается и становится крутым, над самой кручей стоит спутанная лошадь неподвижно, как каменная,— должно быть, спит или задумалась.

Матвей стоит тоже неподвижно, как статуя, и терпеливо ждёт. Задумчиво-сонный вид реки, круженье галок и лошадь нагоняют на него дремоту. Проходит час, другой, а Серёжки всё нет. Давно уже река подметена и принесён ящик, чтоб сидеть, а пьянчуга не показывается. Матвей ждёт и только позёвывает. Чувство скуки ему незнакомо. Прикажут ему стоять на реке день, месяц, год, и он будет стоять.

Наконец Серёжка показывается из-за изб. Он идёт вразвалку, еле ступая. Идти далеко, лень, и он спускается не по дороге, а выбирает короткий путь, сверху вниз по прямой линии, и при этом вязнет в снегу, цепляется за кусты, ползёт на спине — и всё это медленно, с остановками.

— Ты что же это? — набрасывается он на Матвея.— Что без дела стоишь? Когда же колоть лёд?

Матвей крестится, берёт в обе руки лом и начинает колоть лёд, строго придерживаясь начерченной окружности. Серёжка садится на ящик и следит за тяжёлыми, неуклюжими движениями своего помощника.

— Легче у краев! Легче! — командует он.— Не умеешь, так не берись, а коли взялся, так делай. Ты!

Наверху собирается толпа. Серёжка, при виде зрителей, ещё больше волнуется.

— Возьму и не стану делать...— говорит он, закуривая вонючую папиросу и сплёвывая.— Погляжу, как вы без меня тут. В прошлом годе в Костюкове Стёпка Гульков взялся по-моему Иордань строить. И что ж? Смех один вышел. Костюковские к нам же и пришли — видимо-невидимо! Изо всех деревень народу навалило.

— Потому окроме нас нигде настоящей Иордани...

— Работай, некогда разговаривать... Да, дед... Во всей губернии другой такой Иордани не найдёшь. Солдаты сказывают, поди-ка поищи, в городах даже хуже. Легче, легче!

Матвей кряхтит и отдувается. Работа не лёгкая. Лёд крепок и глубок; нужно его скалывать и тотчас же уносить куски далеко в сторону, чтобы не загромождать площади.

Но как ни тяжела работа, как ни бестолкова команда Серёжки, к трём часам дня на Быстрянке уже темнеет большой водяной круг.

— В прошлом годе лучше было...— сердится Серёжка.— И этого даже ты не мог сделать! Э, голова! Держат же таких дураков при храме божием! Ступай, доску принеси колышки делать! Неси круг, ворона! Да того... хлеба захвати где-нибудь... огурцов, что ли.

Матвей уходит и, немного погодя, приносит на плечах громадный деревянный круг, покрашенный ещё в прежние годы, с разноцветными узорами. В центре круга красный крест, по краям дырочки для колышков. Серёжка берёт этот круг и закрывает им прорубь.

— Как раз... годится... Подновим только краску и за первый сорт... Ну, что ж стоишь? Делай аналой! Или того... ступай брёвна принеси, крест делать...

Матвей, с самого утра ничего не евший и не пивший, опять плетётся на гору. Как ни ленив Серёжка, но колышки он делает сам, собственноручно. Он знает, что эти колышки обладают чудодейственной силою: кому достанется колышек после водосвятия, тот весь год будет счастлив. Такая ли работа неблагодарна?

Но самая настоящая работа начинается со следующего дня. Тут Серёжка являет себя перед невежественным Матвеем во всём величии своего таланта. Его болтовне, попрёкам, капризам и прихотям нет конца. Сколачивает Матвей из двух больших брёвен высокий крест, он недоволен и велит переделывать. Стоит Матвей, Серёжка сердится, отчего он не идёт; он идёт, Серёжка кричит ему, чтобы он не шёл, а работал. Не удовлетворяют его ни инструменты, ни погода, ни собственный талант; ничто не нравится.

Матвей выпиливает большой кусок льда для аналоя.

— Зачем же ты уголок отшиб? — кричит Серёжка и злобно таращит на него глаза.— Зачем же ты, я тебя спрашиваю, уголок отшиб?

— Прости, Христа ради.

— Делай сызнова!

Матвей пилит снова... и нет конца его мукам! Около проруби, покрытой изукрашенным кругом, должен стоять аналой; на аналое нужно выточить крест и раскрытое Евангелие. Но это не всё. За аналоем будет стоять высокий крест, видимый всей толпе и играющий на солнце, как осыпанный алмазами и рубинами. На кресте голубь, выточенный из льда. Путь от церкви к Иордани будет посыпан ёлками и можжевельником. Такова задача.

Прежде всего Серёжка принимается за аналой. Работает он терпугом, долотом и шилом. Крест на аналое, Евангелие и епитрахиль, спускающаяся с аналоя, удаются ему вполне. Затем приступает к голубю. Пока он старается выточить на лице голубя кротость и смиренномудрие, Матвей, поворачиваясь как медведь, обделывает крест, сколоченный из брёвен. Он берёт крест и окунает его в прорубь. Дождавшись, когда вода замёрзнет на кресте, он окунает его в другой раз, и так до тех пор, пока брёвна не покроются густым слоем льда... Работа не лёгкая, требующая и избытка сил и терпения.

Но вот тонкая работа кончена. Серёжка бегает по селу, как угорелый. Он спотыкается, бранится, клянётся, что сейчас пойдёт на реку и сломает всю работу. Это он ищет подходящих красок.

Карманы у него полны охры, синьки, сурика, медянки; не заплатив ни копейки, он опрометью выбегает из одной лавки и бежит в другую. Из лавки рукой подать в кабак. Тут выпьет, махнет рукой и, не заплатив, летит дальше. В одной избе берёт он свекловичных бураков, в другой луковичной шелухи, из которой делает он жёлтую краску. Он бранится, толкается, грозит и... хоть бы одна живая душа огрызнулась! Все улыбаются ему, сочувствуют, величают Сергеем Никитичем, все чувствуют, что художество есть не его личное, а общее, народное дело. Один творит, остальные ему помогают. Серёжка сам по себе ничтожество, лентяй, пьянчуга и мот, но когда он с суриком или циркулем в руках, то он уже нечто высшее, божий слуга.

Настаёт крещенское утро. Церковная ограда и оба берега на далёком пространстве кишат народом. Всё, что составляет Иордань, старательно скрыто под новыми рогожами.

Серёжка смирно ходит около рогож и старается побороть волнение. Он видит тысячи народа: тут много и из чужих приходов; все эти люди в мороз, по снегу прошли не мало верст пешком только затем, чтобы увидеть его знаменитую Иордань. Матвей, который кончил своё чернорабочее, медвежье дело, уже опять в церкви; его не видно, не слышно; про него уже забыли... Погода прекрасная... На небе ни облачка. Солнце светит ослепительно.

Наверху раздаётся благовест... Тысячи голов обнажаются, движутся тысячи рук,— тысячи крестных знамений!

И Серёжка не знает, куда деваться от нетерпения. Но вот, наконец, звонят к «Достойно»; затем, полчаса спустя, на колокольне и в толпе заметно какое-то волнение. Из церкви одну за другою выносят хоругви, раздаётся бойкий, спешащий трезвон. Серёжка дрожащей рукой сдёргивает рогожи... и народ видит нечто необычайное. Аналой, деревянный круг, колышки и крест на льду переливают тысячами красок. Крест и голубь испускают из себя такие лучи, что смотреть больно... Боже милостивый, как хорошо! В толпе пробегает гул удивления и восторга; трезвон делается ещё громче, день ещё яснее. Хоругви колышутся и двигаются над толпой, точно по волнам. Крестный ход, сияя ризами икон и духовенства, медленно сходит вниз по дороге и направляется к Иордани. Машут колокольне руками, чтобы там перестали звонить, и водосвятие начинается. Служат долго, медленно, видимо стараясь продлить торжество и радость общей народной молитвы. Тишина.

Но вот погружают крест, и воздух оглашается необыкновенным гулом. Пальба из ружей, трезвон, громкие выражения восторга, крики и давка в погоне за колышками. Серёжка прислушивается к этому гулу, видит тысячи устремлённых на него глаз, и душа лентяя наполняется чувством славы и торжества.

1886

Текст 2

Стихотворение А. Ахматовой «Читатель». Проведите комплексный анализ произведения, принимая во внимание следующие аспекты его художественной организации:

— использование тропов в поэтической системе стихотворения
— соотношение образных характеристик читателя и поэта;
— развитие и художественное решение темы отношений поэта и читателя.

А. Ахматова

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И главное скрытным. О нет! –
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта* холодное пламя
Его заклеймило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то таинственно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад.
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая.
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг.
А он неизменен и вечен -
Поэта неведомый друг.
1959

* Лайм-лайт (*англ*. limelight) — свет рампы.
Количество баллов — 70.

Задание 2

В наше время всё больше интереса вызывают научно-популярные фильмы и программы, в доступной и занимательной форме рассказывающие о научном знании. Их показывают центральные и специальные каналы телевидения, размещают на интернет-сайтах, копируют в соцсетях. Представьте, что вы — сценарист, работающий над фильмом «**География русской литературной сказки**» об истории жанра. Вы можете провести съемки в различных местах Земного шара, встретиться с известными (или не известными) публике людьми, использовать в своем фильме произведения изобразительного искусства, фрагменты фильмов и театральных постановок, музыкальный ряд. Продумайте свой сценарий и ответьте на вопросы:

1) Каким будет название вашего фильма?
2) Какие произведения, писатели, персонажи станут «героями» фильма? Объясните свой выбор. В каком порядке вы будете рассказывать о них?
3) В каких местах вы стали бы проводить съемки? Почему?
4) Каких собеседников вы выберете для рассказа о теме фильма? Объясните выбор.
5) Какие произведения других искусств (или их фрагменты) вы используете в фильме? Чем определяется ваш выбор?

Количество баллов — 30.